

КАСТРЕН – ЗАЧИНАТЕЛЬ, ОПЕРЕДИВШИЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ¹ (ПО ДОРОГАМ КАСТРЕНА СЕГОДНЯ)

А. И. Кузнецова

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Изучение языков финно-угорских и самодийских народов, проживавших на территории России в середине XIX века, тесно связано с именем М.-А. Кастрена (1813–1852). Со времени экспедиций, проведенных Кастреном на севере России, в настоящий период языки (и диалекты) некоторых народов вымерли совсем. Вместе с тем в других языках за истекшую более чем полутора вековую давность лет произошли значительные изменения как, напр., в районах проживания саамов (лопарей), коми (в языке которых различают три наречия – коми-зырянское, пермяцкое и язынское) и самодийцев. Обо всех них и пойдет речь в дальнейшем.

Трудно назвать лингвиста, памяти которого посвящались бы книги не единожды, а многократно в день (и/или в год) его смерти, как это наблюдается с чествованием Кастрена. Начиная с первого сообщения о кончине Кастрена и до конца 1853 г., было опубликовано 12 некрологов. Монументальное издание трудов Кастрена, отчетов о его путешествиях на север России и в Сибирь было осуществлено в 12 томах под редакцией и с примечаниями акад. Франца Антона Шифнера (1817–1879). Количество статей о Кастрене и его работах с 1853 г. и вплоть до 1918 г. включительно постоянно пополнялось. Статья о Кастрене дана и в словаре Брокгауза и Эфрона [т. 28]. В 1927 г. Академия наук СССР издала книгу «Памяти М.-А. Кастрена. К 75-летию дня смерти» [1927: 141], в которой (по данным Л. Б. Модзалевского) приводятся также материалы для библиографии трудов Кастрена и литература о Кастрене (с. 130–141). В 1999 г. в Тюмени появились сочинения самого Кастрена в 2-х томах в издательстве Ю. А. Мандрики (352 с.): т. 1. Лапландия (1838 г.), Поездка в Русскую Карелию (лето 1839 г.) и Путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь (с ноября 1841 до марта 1844 гг.). В т. 2. вошли записи Кастрена о его путешествии в Сибирь 1845–1849 гг.

¹ Данное название – предпоследняя фраза в статье В. Г. Богораза «Кастрен – человек и ученый» // Памяти М.-А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Ленинград. 1927. 35.

В 2013 г. двухсотлетию со дня рождения Кастрена посвящается конференция в Абакане.

Моя первая поездка по следам путешествий Кастрена (осуществлённая совместно с Т. Б. Агранат) состоялась в 2007 г., спустя почти 170 лет после пребывания Кастрена среди саамов в 1840-е годы (что получило свое отражение в т. 1 его двухтомного сочинения 1999 г.). В задачи нашей поездки входило изыскание архивных сведений и местных публикаций (имеющихся в библиотеке города Мурманска) о местах, где Кастрен собирал свои материалы этнографического и лингвистического характера о переселении той или иной группы саамов (лопарей) в новые районы проживания, а также о текстах, записанных Кастреном во время его переселений. Собранные сведения сравнивались с материалами, найденными в работах русских исследователей (напр., в работах Н. Харузина, В. И. Немировича-Данченко и др.) приблизительно через 50 лет после пребывания в этих районах Кастрена. Таким способом удалось, во-первых, сравнить быт лопарей, сохранившийся в дневниковых записях, письмах, отчетах Кастрена, с описанием быта, увиденного там же российскими исследователями более полутора века спустя. С другой стороны, оказалось возможным сопоставить между собой фольклорные произведения, бытовавшие здесь не только на исходе XIX столетия, но и существовавшие во времена Кастрена.

В первой половине XX века в этих же районах работали В. К. Алымов, В. В. Чернолуский и др., оставившие потомству записи местных легенд, мифов, среди которых встречаются варианты сюжетов, записанные Кастреном. В период упоминаемой экспедиции 2007 г. от местных жителей села Ловозеро удалось записать известные в настоящее время сказания (частично сохранившиеся с давних времен) и вместе с тем обнаружить, что многие мифы, сказания и подобные им тексты времен Кастрена уже забыты. В ходе той же экспедиции в село Ловозеро в ряде случаев материалы Кастрена удавалось сравнивать с современным состоянием языков, описанных им более 150 лет назад, выявляя, таким образом, характер изменений, происшедших в этих языках. Одни из языков (точнее, их диалекты, описанные Кастреном) уже не существуют; другие сильно изменились, прежде всего, под влиянием русского языка, о чем речь ещё впереди.

Во время путешествия Кастрена, подробно описанного им в т. 1 «Ландия. Карелия. Россия», обращает на себя внимание различие характеров финнов и карелов, с одной стороны, и русских, с другой. Ещё более

разительны и заметны отличия канинских самоедов с их «пристрастием к спиртным напиткам», как о них пишет Кастрен, от русских. После пребывания в Мезени (по словам Кастрена, «Мезень – крайний городок цивилизованного мира») Кастрен описывает путешествие на оленях по Канинской тундре, самоедский чум и канинскую церковь, где произошло обращение самоедов в христианство в 1823 г., одновременно – самоедскую свадьбу и многое другое.

Широкий ареал распространения на Севере разных языков, слова которых заимствуются в языки, непосредственно контактирующие с ними, обусловлен проблемами разного типа. Напр., на севере европейской части России широко распространено явление взаимопроникновения (интерференции) двух языков. В таком случае становятся заметны отклонения от нормы в одном или в обоих контактирующих языках [Кузнецова 1970: 89]. В последнее время в условиях деревни (или села) это явление уже не так заметно, как можно было наблюдать его в 60-е годы XX в. Однако оно хорошо видно на примере села Колвы, где в свое время был Кастрен, а через 100 лет работал автор данной статьи.

К числу языков, испытавших значительные изменения, относится, напр., обследованный мною в 1968 г. в с. Колва (село основано в 1825 г. ненцами, постепенно комизировавшимися) говор коми языка и говоры ненецкого языка в селах Большеземельской тундры и в Обдорске (современном Салехарде). В этих местах собирались материалы и в 1970-е гг. По следам Кастрена в Сибири прошли многие современные лингвисты и этнографы, у которых сохранились архивные материалы не только коми, но и других языков (селькупского, ненецкого, энецкого). Изучение их и сравнение с материалами Кастрена середины XIX века позволяет обнаружить происшедшие изменения, установить их причины, создать новые исторические грамматики этих языков.

Деревня Колва Усть-Усинского сельсовета Печорского района во время пребывания в ней Кастрена была коми селом, в котором присутствовали также ненцы и русские (последние в качестве начальствующих лиц). Часть ненцев и коми в начале XX в. переселилась из Колвы за «камень» (т. е. за Урал), осев там в селах Ямало-Ненецкого округа. Во время переписи 2002 г. в селах Мужи и Шурышкары 16 тысяч человек назвали себя «коми-ижемцами». Однако жители села Мужи (по крайней мере, старшее поколение) до сих пор предпочитают называть себя зырянскими или изъватас. [Кузнецова А. И. (под общ. ред.). Словарь... 2010: 195].

В Колве все коми жители – билингвы, в отличие от живущих в селенцев, которые не использовали родной ненецкий язык, владея, впрочем, коми языком. Более того, даже старики ненцы не говорили на родном языке, хотя песни на нем пели. Всего в Колве в год проведения опроса жителей числилось 260 чел., среди которых семеро – смешанного коми-русского происхождения и 11 – коми-ненецкого [Кузнецова. 1973: 135].

Билингвы коми, с детства владеющие русским и родным языками (называемые в этом случае координативными билингвами), говорят обычно без всякого акцента на обоих языках, в отличие от субординативных билингвов, говорящих с заметным акцентом на вторичном языке. При этом поражает лёгкая переключаемость с одного языка на другой в том и другом случае. Сами жители уверяли, что они не замечают, на каком языке говорят: «Ведь иной раз по-коми начнём, а по-русски кончим» [Кузнецова. 1973: 137]. Напр.: *Зэв ыджыд* ('очень большой' – о стоге сена), завтра поедем посмотрим; Давай, *лэптысь* ('поднимайся') и счас сразу наперёд чуть; Я старая, *меню юась* ('меня спрашивай') и др. При использовании только русской лексики нередко сохраняется грамматика коми языка, как в примере «Снимитім кольцос и узнайтім, што чиракыс зимуйтёма Франциян» [Кузнецова 1973: 138].

Использование двух разных языков в одной фразе было типично не только для села Колва; оно характерно и для деревни *Лёждуг*, жители которой – тоже носители ижемского диалекта, часто не отдающие себе отчёта в том, на каком же языке они говорят. Это чётко видно на примере следующего диалога, состоявшегося между Е. А. Хелимским, бывшим в то время еще студентом, и местной жительницей:

Что значит «Ме прөсекті муна»? – Ме куст вылын муна.

По-русски вы можете это сказать? – Ме висьтала же ('я говорю же'):

Прөсекті мунны – куст вылын.

А по-русски что это значит? – Ме куст вылын муна (букв. 'я в кустах иду').

Местные коми в селе Колва, упоминавшиеся ранее, были носителями ижемского диалекта коми-зырянского языка. *Ижемцы* – это зыряне (коми), выходцы из села Ижмы и его округа Печорского уезда. Четыре семьи в 1888 г. поселились в Ловозерской тундре, на территории Вороньинского погоста, где главами сельского общества были И. Н. Терентьев, Ф. В. Канев, П. И. Рочев, С. Я. Филиппов, построившие себе дома, амбары, бани [Ушаков: 1997, 83]. К концу XIX в. в Кольском уезде числилось

117 ижемцев и 25 самоедов (ненцев, работающих пастухами). Таков был результат Всероссийской переписи населения 28 января 1897 г.

Именно в *Ижемске* Кастрен в свое время «изучал ижемское наречие самоедского языка и зырянский язык», пытаясь «составить себе понятие о национальных особенностях зырян». Однако сделать это, по признанию самого Кастрена, «было слишком мало данных, потому что *ижемские зыряне* приняли уже почти вполне религию и нравы, и образ жизни русского населения» (Кастрен: ч. 1: 190). В целом, по мнению Кастрена, «основные черты зырянского национального характера обнаруживают несомненное сродство с характером финнов и целого финского племени» (Т. ж.). Зырянам приписываются как хорошие качества (рассудительность, прямота, степенность, добродушие, честность и верность), так и дурные (подозрительность, хитрость и зависть). Взаимоотношения зырян, русских и самоедов (в частности, ненцев и селькупов) вызывали многократные споры, описанные Кастреном и принятые единогласно спорящими: «1) зыряне и русские поселенцы вообще много содействовали и содействуют образованию и облагораживанию самоедов; 2) в настоящее время самоеды не терпят от поселенцев никаких важных обид, напротив, зарабатывают у них деньги; 3) зыряне без оленьих стад решительно не могут существовать в этих бесплодных местах» (Кастрен: ч. 1: 204). Сами самоеды признают, что между поселенцами есть честные люди, им помогающие в божеских и житейских делах. Вместе с тем, самоеды «ненавидят этих чуждых им пришельцев», которые воровством и обманом присвоили себе их стада, отвели даже детей и сродственников их в некоего рода вавилонский плен (*возможно, имеется в виду и школа*. – А. К.), что они затрудняют их существование в тундрах, надувают их в торговле, крадут у них оленей (Кастрен: ч. 1: 204).

Места, в которых бывал Кастрен, упоминавшиеся ранее, неоднократно посещались и позднее многими путешественниками, описывавшими происходившие в этих районах изменения. В числе прошедших теми же дорогами исследователей был, полвека спустя, *А. А. Дунин-Горкавич*, который изучал Обской Север. Он оставил потомкам 3-томное издание, описывающее *Тобольский Север*, дающее этнографический очерк «местных инородцев», содержащее общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения.

В первом томе своей 3-томной монографии Дунин-Горкавич уделил особое внимание зырянам-ижемцам, источником благосостояния которых являлось оленеводство. Из общего числа оленей, например, в Печор-

ском уезде, ижемцам принадлежало 70 % голов. Все зыряне, проживающие в Березовском уезде (в самом Березове, а также в селах – Обдорске, Мужах, в деревне Саран-пауль, что буквально означает «зырянская деревня»), – ижемцы, славящиеся здесь своим трудолюбием, выносливостью, а также пронырливостью: ‘Народ–эксперт’, как выражаются о зырянах в Обдорске (теперешний Салехард – А. К). «Народ этот крепкий, трудолюбивый и выносливый, по наружности подходит к великоруссу» [Дунин-Горкавич. 1995: 120].

Количество людей, посетивших или заново освоивших места, по которым прошел Кастрен, непрерывно растет. В ряде случаев встречаются следы пребывания русских по обе стороны Уральского хребта. Ярким примером проникновения русских в Зауралье служит **Мангазея** – так называемый «непашенный» город, «ценный опыт создания первого городского поселения в зоне вечной мерзлоты» [Белов, Овсянников, Старков. 1981: 93]. Древняя Мангазея, в честь которой воздвигнут памятник на месте её первичного нахождения, располагалась на р. Таз недалеко от дер. Сидоровск, где в 1971 г. работала экспедиция МГУ им. Ломоносова и где одновременно оказалась экспедиция из Санкт-Петербурга, часть сотрудников которой извлекала при раскопках на берегу реки Таз монеты XVI–XVII вв., а часть уехала на место построенной Новой Мангазеи (возможно, судя по изданной в 1981 г. книге, это была группа в составе: Белов, Овсянников, Старков). Древняя Мангазея, находившаяся на Енисее поблизости от Туруханска, перенесенная в новое место, стала именоваться Новой Мангазеей. «До 1780 г. именем Мангазеи назывался город Туруханск, а его округ – Мангазейским. [Брокгаузъ и Ефронъ. СПб. 1896. Т. 36, с. 526]. Место, где стояла Старая Мангазея, так описывается в комментариях к книге Кастрена: «Город Мангазея в 1672 году был заброшен, а его население перебралось от устья реки Таз на реку Турухан, приток Енисея, где была построена Новая Мангазея, или Туруханск. Место, где стояла Старая Мангазея, ненцы называют Тахаравы Харад – ‘разрушенный город’» [Кастрен. Т. 2. Комментарии Зенько, Пархимовича. С. 336. Примеч. № 90].

200 лет, прошедшие со дня смерти Кастрена, раскрывают перед нами яркую картину изменений в жизни людей, изменений, включающих в себя как ухудшения, так и улучшения, происходящие в мире. Не исключено, что это происходит в такой же мере во всех языках мира, среди которых одни языки исчезают совсем, другие столь сильно изменяются, что могут стать новыми для следующих поколений. И может настать время,

когда новые поколения будут заново открывать языки, исчезающие сегодня.

Рассмотренные выше единичные примеры, имеющие прямое отношение к Кастрену, почерпнутые из разных мест его пребывания и в разные периоды времени, демонстрируют быстроту и своеобразие изменений, происходящих повсеместно, и одновременно позволяют выявить не только направление тех или иных изменений в жизни людей, но и подчеркнуть колоссальные выдающиеся достижения Кастрена.

Библиографический список

1. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. II. 148 с.
2. Богораз В. Г. Кастрен – человек и ученый // Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Изд-во Академии наук СССР. Ленинград. 1927: 3–35.
3. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев // Тобольск. Т. 1–3. 1904. 1910. 1911. СПб. 1995–1996. М.: Изд-во «Либерия», Т. 1. 1995; Т. 2–3. 1996.
4. Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т. 1. Лапландия. Карелия. Россия / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. – Тюмень: изд-во Ю. Мандрики, 1999: 256. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). 1999: 352; Зенько А. П., Пархимович С. Г. Комментарии. Там же с. 326–352.
5. Кастрень Матвѣй – Александръ // Брокгаузъ @ Ефронъ. Энциклопедический словарь. Т. 28. СПб. 1895: 703.
6. Кузнецова А. И. Экспедиции в Коми АССР и Ненецкий национальный округ // Вестник Московского Университета. Филология. № 4. 1970: 89–90.
7. Кузнецова А. И. Количественная оценка билингвизма в Коми АССР и зависимость её от социальных факторов // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Сборник статей. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ. 1973: 134–144.
8. Кузнецова А. И. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. / под общ. ред. А. И. Кузнецовой; авт.-сост. О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. Н. Усачёва. Екатеринбург: Издательство «Баско». 2010: 320.
9. Мангазея // Брокгаузъ @ Ефронъ. Энциклопедический словарь. Т. 36. 1895: 526.
10. Памяти М.-А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Ленинград. 1927: 143.
11. Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 томах. Т. 1. Кольская земля. Историко-краеведческие исследования. Мурманск. 1997: 648. Т. 2. Мурманск. 1998: 376. Т. 3. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск. 2001: 336.

© Кузнецова А. И., 2013